

Рациональные приемы обучения и воспитания краткосрочного солдата, а также ближайшего его начальника ¹⁾.

Договоримъ теперь о дисциплинѣ. Она необходима нынѣ больше, чѣмъ когда либо, ибо значительная часть дисциплины улетучивается, само собою разумѣется, во время пребыванія въ запасѣ, а короткій срокъ службы препятствуетъ надлежащей выработкѣ ея, и надо удвоить, утроить работу въ этомъ направленіи. Когда въ день объявленія мобилизаціи призвать запаснаго подъ знамена, то небольшая частица оставшейся въ немъ дисциплины должна представлять изъ себя достаточную, такъ сказать, «дозу», которая обезпечивала бы сколачиваніе наскоро части и отправленіе ея подъ пули и шрапнели, сѣющія смерть и увѣчье! Какъ, слѣдовательно, важно прививать ее солдату на дѣйствительной службѣ въ должномъ объемѣ—скажу даже—въ увеличенномъ до-нельзя размѣрѣ! Всякое мягкосердіе здѣсь неумѣстно, вредно, преступно.

«Дисциплина падаетъ», говорятъ, пишутъ; «ея нѣтъ теперь и т. д.!» Такъ ли это вездѣ, господа? Сомнѣваюсь. Въ самомъ Петербургѣ видъ солдата на улицѣ, выправка его, дисциплина, поднялись въ послѣдніе годы значительно, скажу даже «до неузнаваемости»; писаря, деньщики, и тѣ подтянулись. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣло обстояло не важно. И въ другихъ городахъ за-

¹⁾ См. № 3 «Воен. Сб.»

мѣтенъ въ этомъ отношеніи успѣхъ. «*Помилуйте*», говорятъ, «*люди не тѣ, освободительное движеніе, хулиганство испортило народъ и т. д.*». Можетъ быть—часть народа, согласенъ, но не весь народъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поздней осенью, я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ съ крайняго сѣвера на крайній югъ; выбралъ изъ за двухъ деньщиковъ, которыхъ везъ съ собою въ 3-мъ классѣ, пассажирскій поѣздъ. На каждой станціи длинная остановка; толпы новобранцевъ и провожающая ихъ родня разглядываютъ поѣздъ и часть ихъ отправляется съ нимъ куда то. Шумъ, галдежъ, беспорядокъ и давка, но пьяныхъ почти что нѣтъ; прощаются, обнимаются, цѣлуются, крестятъ уѣзжающихъ: во всей этой толкотнѣ и неурядицѣ было что то патріархальное, захватывающее. Присматриваюсь къ этимъ будущимъ защитникамъ отечества и спрашиваю себя чуть ли не на каждой станціи: неужели это тѣ, что жгли и грабили помѣстья? Неужели изъ нихъ могутъ выйти бунтари, посягающіе на жизнь своихъ офицеровъ? Нѣтъ, это не тотъ типъ человѣка. Или такихъ случаевъ не было, о нихъ просто сочиняли, или парни эти въ своихъ деревняхъ совершенно иные, а здѣсь только на время присмирѣли? Можетъ быть деревенская школа была въ этомъ виновницею или же злые люди передѣлали ихъ во времена погромовъ, гипнотизировали, а потомъ повели на дурныя дѣла? Можетъ быть они съ годами портятся; или же сама служба портитъ ихъ? А тогда виноваты учителя, наставники, воспитатели. Но впечатлѣніе на станціяхъ такое, что съ этимъ народомъ можно достигъ невозможнаго. Такое впечатлѣніе мое не могу отнести исключительно къ данному путешествію: наоборотъ; партіи новобранцевъ, съ которыми сталкивала меня судьба за 30 съ лишнимъ лѣтъ моей службы, всегда производили на меня подобное же впечатлѣніе. Идешь, разступаются; козыряютъ не козыряютъ, конечно (хотя и это случалось), но кой-кто шапку сниметъ; вездѣ и всюду уваженіе «къ барину». Другой разъ ѣхалъ я такимъ же образомъ, а со мною слѣдовали по той же дорогѣ уволенные въ запасъ—картина уже совершенно другая: все распьяно; шумъ и галдежъ былъ и у тѣхъ, правда, но «*звукъ его, тонъ его*» болѣе добродушный. Выправки тамъ не было, да и быть не могло; но и здѣсь я не видѣлъ ея у доброй половины, а иная фізіономія казалась прямо противной; козыряли—да, но какъ? Ужъ лучше бы совсѣмъ безъ этой пародіи на отданіе чести, а кое-кто и вовсе не бралъ подъ козырекъ; разступались тоже, но уже не такъ охотно и симпатично, не такъ почтительно, не за совѣсть, а за страхъ.

Обдумывая въ вагонѣ видѣнное мною на этихъ станціяхъ, я высчиталъ тогда же, что, благодаря завѣдыванію въ молодости новобранцами (тогда такъ ихъ называли) и командованію впослѣдствіи въ теченіе 8 лѣтъ эскадромъ, а потомъ и двумя полками въ гвардіи и арміи, судьба сблизила меня съ нѣсколькими тысячами молодыхъ солдатъ изъ разныхъ губерній, разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, не исключая евреевъ. Долженъ замѣтить, что не видѣлъ я вовсе симптомовъ «той опасной болѣзни», о которой такъ много говорятъ и пишутъ, которою насъ запугиваютъ иногда, стараясь увѣрить всѣхъ, что наши будущіе защитники отечества распространены до невозможности еще до поступленія на службу. Не замѣчалъ я этого ни въ арміи, ни въ гвардіи, и не видѣлъ даже особенной разницы въ этомъ отношеніи между составомъ, поступавшимъ въ войска около 30 лѣтъ тому назадъ и контингентомъ, призываемымъ на службу нынѣ, не исключая годовъ смуты. Неужели мнѣ такъ везло въ этомъ отношеніи?

Эти нѣсколько тысячъ человекъ принимались мною всегда лично, лично же разбивались по-эскадронно, а раньше, когда самъ командовалъ эскадромъ, и по-взводно. Водворяя новую партію и держа ей привѣтственную рѣчь, я тутъ же приказывалъ строить прежнія партіи, вымытыя, выстриженные и одѣтыя въ различныя формы. Парадные головные уборы (шапки, султаны, каски съ орлами), палаши, сабли, бѣлые колеты, кирасы или лацкана, производили огромный эффектъ, а короткая моя рѣчь заканчивалась обыкновенно такими, приблизительно, словами: «Вотъ, противъ васъ стоятъ такіе молодые солдаты, какъ и вы. Посмотрите, какіе красавцы, какъ вымуштрованы—отъ стараго солдата не отличишь, а недѣлю тому назадъ пришли такими же кудрявыми и длиннополыми, какъ и вы. А тотъ молодчина, что привелъ ихъ и командовалъ такъ бойко—почти-что готовый унтеръ-офицеръ: онъ прибылъ въ полкъ какихъ нибудь 2 недѣли тому назадъ! Вотъ и вы такими же будете!» Молодчина выбирался, конечно, изъ болѣе ловкихъ; его готовили къ этой роли нѣсколько дней и онъ, дѣйствительно, подчасъ мало отличался отъ иного «унтера».

Необходимо растолковать съ перваго же дня молодому солдату, что служба нынче и коротка, и легка, что за ошибки не взыскиваютъ, а лишь за дурное дѣло, какъ неповиновеніе, дерзость, воровство и т. д.; что 3—4 года пройдутъ скоро; нужно только слушаться старшихъ и все пойдетъ прекрасно; а когда онъ съѣздитъ такимъ щеголемъ, «какъ тѣ», въ отпускъ къ себѣ, то вся деревня имъ любоваться будетъ. Въ

»*

тотъ же день, когда онъ, окончивъ службу, вернется бравымъ солдатомъ, а можетъ быть и съ галунами, домой, то и семья его будетъ имъ гордиться; а попадетъ подъ судъ, прїѣдетъ домой опороченнымъ — тогда одинъ срамъ будетъ и родня не захочетъ его знать. Все это дѣлается многими, большинствомъ офицеровъ, не спорю; но случаи халатности, сухости и безсердечности, случаи «пиленія новобранца» съ перваго же дня и глумленія надъ нимъ, мнѣ тоже извѣстны, а это не можетъ не озлоблять молодого солдата. Очевидно, что промахи въ отношеніи обращенія и воспитанія, и притомъ весьма крупные промахи, бывали; да не будь такихъ промаховъ, не было бы пожалуй, при нашемъ идеальномъ людскомъ составѣ, разговора о возможности пропаганды. Агитаторы умѣютъ ловко пользоваться всѣми нашими промахами и обращать ихъ въ свою пользу.

Послѣ такой краткой рѣчи, надо приказать вновь поступившимъ написать сейчасъ же письма домой, снабдивъ ихъ бумагой, марками, а тѣхъ, которымъ это нужно, и «секретарями». Вообще необходимо обласкать ихъ на первыхъ же порахъ и привязать: къ себѣ, къ начальству, къ своей части. Иной неповоротливый и застѣнчивый паренъ не догадается самъ сдѣлать это или же напишетъ очень поздно и будетъ, ожидая извѣстія отъ своихъ, грустить цѣлыми недѣлями, мѣсяцами. Съ молодымъ солдатомъ надо быть вообще ласковымъ, почти нѣжнымъ, а старому не давать спуска, держа его въ ежовыхъ рукавицахъ: дѣлается же часто наоборотъ. Когда изо всей матушки Россіи посылаются отвѣтныя письма, лица молодыхъ солдатъ такъ и просіяютъ, стараніе удвоится и обученіе пойдетъ ускореннымъ темпомъ. При такой системѣ, старыя партіи будутъ успокаивать робкихъ изъ новаго набора, подбадривать «повѣсившихъ носы», расшевелять неуклюжихъ; вообще старыя партіи будутъ помогать водворять новыя, посвящать ихъ во всѣ обычаи и мелочи повседневной служебной жизни, будутъ стараться подавать примѣръ своимъ «болѣе позднимъ» сверстникамъ. Партія партіи, «свой своему», больше вѣрятъ на первыхъ порахъ, чѣмъ начальству, а потому такіе приемы и сноровки даютъ отличные результаты: говорю по опыту, ибо былъ 8 лѣтъ эскадроннымъ командиромъ. При длинныхъ срокахъ можно было выждать прибытія послѣдняго человѣка въ часть и тогда только начинать работу, нынѣ воспитаніе надо начинать съ момента разбивки, иначе опоздаемъ.

Люди, прибывающіе въ полки, также покорны, какъ и раньше, также добродушны, послушны и преисполнены доброй воли:

прямо таки наивныя дѣти, за нѣкоторыми, весьма немногими исключеніями, которыя замѣчались и въ прежнія времена. Большинство, попадая въ казарменныя помѣщенія, разыскиваетъ сейчасъ же глазами образа и, замѣтя ихъ, крестится. Какая страна, нація, армія, можетъ похвастаться такою религіозностью, какъ наша? И евреи, въ сущности, не опасны (у меня ихъ было въ армейскомъ полку около 20-ти челов.). Не скажу, чтобы это былъ желательный типъ солдата: они уклоняются отъ службы, ѣздоки и стрѣлки плохіе, поровятъ пристроиться въ трубачи и нестроевые, дезертируютъ часто въ пограничныхъ стоянкахъ, но, въ такомъ, по крайней мѣрѣ, количествѣ, какъ 15 или 20 чел. на полкъ, безопасны тамъ, гдѣ начальствующіе чины дѣлаютъ свое дѣло. Я вовсе не сантименталенъ и далеко не оптимистъ, стою за строгость, но вообще грѣшно жаловаться на поступающихъ на службу. Только тамъ, гдѣ царитъ халатность, безпечность, сухой формализмъ или безсердечность, гдѣ все въ рукахъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, дѣлающихъ и поблажки, и эксплуатирующихъ немилосердно, если за ними нѣтъ надзора, нижнихъ чиновъ, а въ особенности новобранцевъ; гдѣ повѣрка учителей чисто формальное дѣло, ограничивающееся предложеніемъ имъ нѣсколькихъ вопросовъ для того, чтобы «отдать объ этомъ въ приказъ» и донести по командѣ «объ исполненіи номера»: тайная пропаганда можетъ пустить болѣе или менѣе глубокіе корни; но, гдѣ порядокъ, тамъ ея нечего бояться, заносъ ея новобранцами маловѣроятенъ; они представляютъ изъ себя, за малыми исключеніями, здоровый элементъ. Не было, кажется, случая, чтобы призываемые впервые подъ знамена производили какія-нибудь громадныя безчинства или крупныя беспорядки на желѣзныхъ дорогахъ; съ увольняемыми же въ запасъ, а также съ призываемыми изъ такового, это случалось и у насъ, и въ заграничныхъ арміяхъ.

«Дисциплина падаетъ, ея нѣтъ», говорятъ потому, что срокъ службы сократили до 3-хъ лѣтъ!» Позвольте, вѣдь и 30—40 лѣтъ тому назадъ были нижніе чины, служащіе первый, второй, третій годъ и т. д.! Неужели они въ отношеніи дисциплины такъ сильно отставали отъ старыхъ солдатъ? Думается, что бывало чаще наоборотъ. Молодой и теперь тянется, ни въ чемъ не попадаетъ, а старый уже не то. И въ эпоху желѣзной дисциплины Императора Николая I, при длинномъ, пожизненномъ срокѣ службы, случаи открытаго неповиновенія, съ убійствами офицеровъ, бывали тамъ, гдѣ ближайшее начальство зѣвало и оказывалось никуда не

годнымъ, напримѣръ: бунтъ военныхъ поселеній. При 6-ти и 10-ти лѣтнихъ срокахъ службы, когда о пропагандѣ въ войскахъ не было и рѣчи, антидисциплинарные проступки случались; заявленія скопомъ о нежеланіи имѣть данное лицо вахмистромъ или фельдфебелемъ также встрѣчались: слѣдовательно продолжительность службы не играетъ роли.

Дисциплинирующее значеніе сомкнутого строя несомнѣнно. Этимъ и объясняется приверженность къ нему въ ущербъ подготовкѣ къ разсыпному строю. Я самъ придаю муштрѣ огромное значеніе и, если бы дѣло зависѣло отъ меня, вернулся бы безусловно къ учебному шагу, безъ котораго 3-хъ и 4-хъ лѣтняго солдата не выправишь ²⁾. Но сомкнутый строй, парадное дѣло, котораго слѣдуетъ держаться крѣпко, именно вслѣдствіе того, что нынѣшній краткосрочный солдатъ легко разбалтывается, должно идти рука объ руку съ индивидуальной подготовкой одиночнаго бойца и на ряду съ надлежащимъ воспитаніемъ его не на показъ, а для дѣла, для работы въ цѣпи.

Однако, признаки настоящей дисциплины не для каждого уловимы и въ этомъ дѣлѣ ошибаются сплошь и рядомъ и рутинеры, и люди, не имѣющіе за собою достаточной строевой практики. Оцѣнивается дисциплина очень часто лишь по наружному виду солдата: встрѣчаетъ ли, напримѣръ, дежурный начальника мгновенно? О томъ, что онъ только этимъ озабоченъ и «караулитъ начальство», отрываясь отъ своего прямого дѣла, не думаютъ. Рапортуетъ ли онъ молодцомъ? и т. д. Затѣмъ главную роль играютъ: отбиваніе ноги на маршировкѣ, оттягиваніе каблука на ѣздѣ, молодцеватый видъ вообще и громкій отвѣтъ на привѣтствіе, опрятная, даже щегольская одежда и т. д. Самъ я того мнѣнія, что все это очень важные факторы дисциплины, и увѣренъ, что зѣвака-дежурный и солдатъ, у котораго оторваны пуговицы, или же парень въ засаленной фуражкѣ съ массою заплатокъ на мундирѣ, а то съ незаплатанными на немъ дырками, равно какъ длинноволосый или небритый нижній чинъ, у котораго на платьѣ пятна или засохшая каша, а изъ голенищъ дырявыхъ сапогъ торчатъ ушки, въ большинствѣ случаевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ слабый ѣздокъ, плохой развѣдчикъ, неважный стрѣлокъ и мало дисциплинированъ—ближайшій же его начальникъ слабъ и безпеченъ. Но этотъ масштаб не вѣренъ, если онъ одинъ служитъ мѣриломъ дисциплины. Мнѣ всегда бросалось

²⁾ Учебный шагъ практикуется «подъ сурдинку» не однимъ строевникомъ, а многіе говорятъ, что безъ него нельзя обойтись. Почему же его отмѣнили?

въ глаза, что все вниманіе ближайшаго начальства направлено къ тому, чтобы одѣть людей щегольски на смотрѣ, а о томъ, какъ они ходятъ вообще, даже по городу, мало заботятся. Должно бы быть, какъ разъ наоборотъ. Выправка, опрятность, молодцеватость, особенно въ сомкнутомъ строю, могутъ быть весьма обманчивыми явленіями, а кажущаяся дисциплина можетъ держаться на «гнилыхъ ниткахъ» и распороться по всѣмъ швамъ при первомъ удобномъ случаѣ, что случалось неоднократно. Болѣе важна щеголеватость и выправка въ одиночку, «дисциплинированность» одиночнаго человѣка, «дисциплина разсыпного строя», а это дѣло сильно хромаетъ у насъ и по сей день. Вообще же есть лучшіе, чѣмъ вышеупомянутые, и болѣе вѣрные признаки настоящей дисциплины, *на которые не обращаютъ достаточно вниманія*, а именно: видъ и поведеніе одиночныхъ людей въ лавкѣ, на базарѣ, на гуляньѣ, вообще увольняемыхъ со двора, въ особенности «до позднихъ часовъ» и въ праздники, а также въ отпускъ, и поведеніе въ командировкахъ; держаніе себя одиночнымъ человѣкомъ вдали отъ глазъ своего начальства; видъ казенной прислуги, артельщиковъ, фуражировъ, писарей, людей, слѣдующихъ при обозѣ, и т. д. Не послѣднимъ дѣломъ является поведеніе по отношенію къ офицерамъ другихъ частей (ибо своихъ большинство все же побаивается³⁾), а еще больше — *поведеніе людей въ день увольненія въ запасъ* и во время путешествія по окончаніи службы на родину. *Послѣднее есть наилучшее мѣрило привитаго на службу сознанія дисциплины*; по этому поведенію можно отлично судить о достоинствѣ части, усердіи и пригодности ближайшаго начальства данныхъ нижнихъ чиновъ и постановкѣ въ ихъ ротѣ, эскадронѣ, баталіонѣ или батареѣ воспитанія солдата и привитія ему сознанія долга службы. Разъ за нимъ не было надлежащаго надзора на дѣйствительной службѣ, царила халатность, преобладала формалистика вродѣ «пробной порціи», аккуратной записи продуктово въ доскѣ по раскладкѣ, коли не развивали умъ и сердце, а все держалось на карахъ и страхѣ передъ «палкой капрала», то въ день, когда «эта палка» исчезаетъ, дурное воспитаніе вылѣзаетъ сразу наружу. Если унтеръ-офицеры были плохи, не вліяли на людей

³⁾ Поэтому, разъ посторонній офицеръ доводитъ до свѣдѣнія прямого начальника о неотданіи чести солдатомъ или объ иномъ его поступкѣ, то слѣдуетъ налагать взыскаіііе полной мѣрою своей власти или предавать суду, а не обижаться, какъ иногда бываетъ. Мы такъ безпечны и лѣнны, такъ неохотно поднимаемъ дѣло официально, что, разъ такая бумага приходитъ, уже навѣрное поведеніе нижняго чина было невѣроятно нахально и дерзко—все въ расчетъ на то, что ограничатся замѣчаніемъ, не поднимая исторіи.

примѣромъ, не обладали, какъ это часто бываетъ, должнымъ авторитетомъ, пьянствовали совмѣстно съ подчиненными, занимали у нихъ деньги, играли съ ними въ карты и позволяли, чтобы тѣ говорили имъ «ты»; коли казармы и биваки оцѣплялись всегда постами, а безопасность поддерживалась только дозорами или патрулями, всякій скандалъ, каждый серьезный случай старались замаять и т. д.; тогда никакое прощаніе со штандартомъ или знаменемъ и разныя торжества, которыми нынѣ всюду обставляется день увольненія старослужащихъ домой, не помогутъ дѣлу. Воспитаніе и еще разъ воспитаніе, привитіе сознанія долга службы, уваженія къ закону, къ старшимъ, къ мундиру, ровность, справедливость, умѣренная безъ придиричivosti строгость, лишенная всякихъ поблажекъ и сантиментальностей, изрѣдка доброе слово, отсутствіе подачекъ и взятокъ, запрещеніе подношенія подарковъ, постоянное общеніе офицера съ нижнимъ чиномъ и барская о немъ заботливость, безъ фамиллярностей, амикошонства, заискиванія, скриванія поступковъ, гоньбы за дешевою популярностью, безъ разныхъ, иногда неумѣстныхъ, шутокъ и острогъ со стороны начальника (вызывающихъ какія то плутоватыя улыбки у подчиненныхъ), осторожность при появленіяхъ веселости въ присутствіи пѣсенниковъ, трубачей или балалаечниковъ—вотъ что гарантируетъ отъ безчинствъ при отбѣздѣ кончающихъ службу на родину. Было бы полезно, если бы иной старшій начальникъ прослѣдилъ такую партію увольняемыхъ, сходявъ на вокзалъ ко времени отхода поѣзда, узналъ бы № роты, эскадрона, батареи, и, сообразно наблюдаемому, выдвигалъ ближайшихъ начальниковъ этихъ уѣзжающихъ людей на высшія должности, объявлялъ имъ благодарности или выговоры, а то и удалялъ бы со службы, ибо *это, какъ бы кинематографическій снимокъ или сеансъ, изображающій плоды всей ихъ служебной дѣятельности.* Это была бы, пожалуй, болѣе справедливая очистка арміи отъ негоднаго баласта, чѣмъ злополучный цензъ, требующій огромнаго, многомилліоннаго пенсіоннаго фонда для увольненія людей по предѣльному возрасту и удаляющій изъ арміи массу дѣльныхъ и физически крѣпкихъ лицъ, оставляя въ ея рядахъ много развалинъ, неподошедшихъ по лѣтамъ къ этой категоріи. Поведеніе увольняемыхъ со службы это лучшая и самая вѣрная аттестація, правдивѣе стереотипныхъ фразъ вродѣ: *приверженъ къ законности, на службѣ аккуратенъ, бытъ офицера и солдата знаетъ*; еще бы не знать, послѣ 20-ти или 30-ти лѣтъ службы, «своего собственнаго быта» и не успѣть за это время

ознакомиться съ неотличающимися ни разнообразіемъ, ни оригинальностью бытовыми условіями нижняго чина! Пусть лучше покажутъ намъ, какъ питомцы «ихъ 3-хъ или 4-хъ лѣтней школы» ведутъ себя тамъ, гдѣ карцеръ не виситъ уже надъ ними и гдѣ взводный не подсчитываетъ: *разъ, два, тьвой, правой*, гдѣ воспитанники ихъ вышли изъ тисковъ, изъ подъ безпрестаннаго «опеканія»! Одиночные буяны могутъ попадаться, этого не избѣжать и при наилучшемъ «режимѣ воспитанія», но товарищи должны укротить такого субъекта сами; не объ одиночномъ скандалистѣ здѣсь рѣчь, а о случаяхъ, когда вся партія или $\frac{3}{4}$ ея безчинствовало; тогда виновать «режимъ» и ближайшее начальство.

Еще 3—4 вѣрныхъ признака разумной дисциплины: отсутствіе въ части самовольныхъ отлучекъ, а тѣмъ болѣе побѣговъ, случаевъ членовредительства, скандаловъ всякаго рода, отсутствіе жалобъ населенія, полная безопасность для мирныхъ жителей, когда они разгуливаютъ поздно вечеромъ и ночью вблизи биваковъ, особенно съ женщинами, и, наконецъ, *неполученіе начальниками анонимныхъ писемъ*. Послѣднее является наилучшимъ «пульсочетомъ» военнаго организма и можетъ быть приравнено «гладкимъ выборамъ въ судъ общества офицеровъ всѣхъ по старшинству, безъ пропусковъ», которые, какъ бы ни были мотивированы и чѣмъ бы ихъ ни объясняли, являются все же признакомъ неправильнаго кровообращенія въ этомъ организмѣ.

Очевидно, начальникъ долженъ, обходить казармы, манежи, залы для занятій, но не въ этомъ суть дѣла. Можно ходить, сидѣть на шеѣ у своихъ подчиненныхъ и не замѣчать существеннаго, гоняться за мелочами, придавать, какъ я объ этомъ писалъ уже неоднократно, огромное значеніе: книжечкамъ, вопросникамъ, стѣннымъ таблицамъ, картинкамъ, приборамъ, мишенькамъ, моделькамъ и ящичкамъ съ пескомъ, украшеннымъ всевозможными разноцвѣтными шерстинками, домиками и оловянными солдатиками или, долженствующими изображать войска, сапожными шпильками. Можно увлекаться рельефными планами, воображая, что они замѣняютъ настоящую мѣстность, но всѣ эти игрушки весьма опасны, ибо нѣкоторые думаютъ, что они могутъ перенести мѣстность въ казармы. Увлечение классомъ, вопросами и отвѣтами—это рутина, отъ которой мы никакъ не можемъ отдѣлаться. Увлечение картами, схемами, циркулями и компасами, которые будутъ имѣться въ день боевого испытанія вѣроятно лишь въ весьма ограниченномъ числѣ, тоже опасно, въ особенности, если все это при-

мѣняется въ комнатѣ или на казарменномъ дворѣ и въ классѣ же днемъ толкуютъ объ оріентировкѣ по звѣздамъ. Все это приковываетъ къ казармѣ, въ чемъ и кроется вредъ.

Опытный строевикъ можетъ судить и не сидя у подчиненныхъ на шеѣ о части по результатамъ работы, выражающимся въ отсутствіи жалобъ, скандаловъ и дракъ, въ исправномъ несеніи караульной службы, безукоризненномъ поведеніи людей на улицѣ или на маневрахъ, по ихъ работѣ на мѣстности и т. д. По какому-нибудь рапорту о пропажѣ или происшествіи, донесенію или дознанію, онъ съ легкостью воспроизведетъ въ умѣ всю картину не только даннаго инцидента и условій, при которыхъ онъ произошелъ, но будетъ въ состояніи судить и о внутреннемъ порядкѣ и системѣ воспитанія, ибо имѣлъ самъ съ этимъ дѣло. Моментальное прибытіе всѣхъ ближайшихъ начальниковъ въ часть, которую посѣтилъ высшій чинъ, хотя бы ночью, ставится обыкновенно тоже въ заслугу, но это вѣдь простая случайность, не доказывающая ровно ничего. А если у живущаго въ городѣ ротнаго командира были именины, на которыя приглашеніе получили всѣ офицеры, и поэтому никого не могло быть въ казармахъ? Въ другой части сидятъ, можетъ быть, безпрестанно въ собраніи и кутятъ, а то процвѣтаетъ ежедневно азартъ на какой нибудь офицерской квартирѣ въ казармахъ, но вслѣдствіе этого, въ моментъ посѣщенія начальствующимъ лицомъ роты, хотя бы въ 4 ч. у., всѣ явятся черезъ 5 минутъ и получатъ, пожалуй, благодарность. Можно ли, однако, поощрять «такую служебную аккуратность»? Пусть всѣ послѣ такихъ ночей присутствуютъ на утреннихъ занятіяхъ «физически», душа же ихъ, по всей вѣроятности, отсутствуетъ; унтеръ-офицеры, да и рядовые, не могутъ не замѣтить, что господа «не выспались», ибо они не проявляютъ той серьезности и той аккуратности, какъ обыкновенно, а это не поднимаетъ авторитета начальника. Не лучше ли было бы имъ выспаться въ этотъ день. Этимъ я вовсе не хочу проповѣдывать обращенія молодежи въ монаховъ. Нисколько. Если отсутствіе офицера, погулявшаго ночью, рѣдкость, то рота или эскадронъ отъ этого не пропадутъ, а выспавшійся способный офицеръ легко наверстаетъ потерянное время; но проводящіе цѣлыя ночи за зеленымъ столикомъ, да и танцующіе 6—7 ночей подрядъ, пусть лучше не появляются на утреннихъ занятіяхъ: пользы отъ ихъ работы нельзя ожидать; отбываніе же номера дѣйствуетъ лишь развращающимъ образомъ на подчиненныхъ. Вообще критерій оцѣнки служебныхъ качествъ далеко не всегда правиленъ, и одно лишь основательное знаніе строя

гарантируетъ нѣкоторую справедливость. Только тотъ будетъ вполне непристрастенъ, кто самъ испыталъ все это, какъ говорится, на своей шкурѣ.

Позволю себѣ повторить еще разъ, что не понимаю почему въ день увольненія въ запасъ нижній чинъ долженъ непременно безчинствовать, не вѣрю въ побѣгъ русскаго солдата (евреи, да, пожалуй, какой нибудь инородецъ изъ пограничныхъ фабричныхъ мѣстъ не идутъ въ счетъ). Не допускаю возможности повального характера самовольныхъ отлучекъ, не вѣрю въ членовредительство, не признаю эпидеміи анонимныхъ писемъ, равно какъ не вѣрю, повторяю это еще разъ, въ опасность вредной пропаганды тамъ, гдѣ ближайшее начальство не дремлетъ и дѣлаетъ свое дѣло отъ сердца, а не по принужденію, гдѣ унтеръ-офицеры не глумятся надъ молодыми солдатами, не проявляютъ по отношенію къ нимъ жестокости, не выманиваютъ у нихъ денегъ и т. д., ибо всѣмъ этимъ агитаторы могутъ, очевидно, воспользоваться и дѣлали это весьма ловко. Умѣренная строгость, безъ «пиленія», изводки, повторяю снова, справедливость, истинное барство, надзоръ за начальниками изъ нижнихъ чиновъ, безпощадная строгость при случаяхъ эксплуатаціи ими нижняго чина вообще, а тѣмъ болѣе молодого солдата ⁴⁾, ограниченіе формалистики и бумажнаго контроля вродѣ вывѣшиванія раскладки и т. д., посѣщеніе больного въ окологдѣ или госпиталѣ, письмо, посланное начальникомъ его семьѣ, доброе слово, хорошее обращеніе съ людьми при отсутствіи, какъ уже упоминалось, ами-кошонства—и никто не сбѣжитъ, не станетъ рубить себѣ пальца, не повѣсится и не застрѣлится, не будетъ писать анонимныхъ жалобъ и не наскандалитъ въ день увольненія въ запасъ; насчетъ же пропаганды, самое худшее, что можетъ при этихъ условіяхъ случиться, это то, что люди поломаютъ или помнутъ кости агитатору, попытавшемуся распропагандировать ихъ. Исключенія могутъ, конечно, быть, не спору; единичные испорченные люди, преступники всякаго рода, въ томъ числѣ и политически неблагонадежные, могутъ попадаться и попадаютъ въ партіяхъ молодыхъ солдатъ, не избѣжать и какого-нибудь анархиста (зѣвать въ наше время не слѣдуетъ); но 20-ти лѣтняго юношу можно въ большинствѣ случаевъ воспитать и перевоспитать, и во всякомъ случаѣ такого

⁴⁾ Не составляетъ для строевиковъ секрета, что тамъ, гдѣ ротный или эскадронный командиръ «шефствуетъ», увольненіе со двора, а то и поѣздка въ отпускъ на родину и даже опредѣленіе въ учебную команду, оплачивается подачками, подарками, угощеніями ближайшаго начальства изъ нижнихъ чиновъ: вывести это не легко.

парня можно скоро раскусить и сдать куда полагается; успѣха его пропаганда не можетъ имѣть тамъ, гдѣ дѣло налажено и гдѣ унтеръ-офицеры—надежные служаки. Вообще, мнѣ кажется, что мы слишкомъ боимся, слишкомъ беспокоимся насчетъ возможности проникновенія пропаганды. Этотъ страхъ замѣчается больше всего у лицъ, мало служившихъ въ строю, не знающихъ нашего солдата и пріемовъ обращенія съ нимъ. Пора бы бросить это дѣло или надо сознаться, что мы, начальники, безсильны, не можемъ, не умѣемъ или не хотимъ оградить казарму отъ этой пропаганды: это была бы наихудшая аттестація, которую мы себѣ сами дали бы. Въ общемъ, однако, «не такъ страшень чортъ, какъ его малюють»! Я зналъ одного молодого ротнаго командира, къ которому явился учитель пѣсенниковъ и сознался, что онъ социаль-демократъ и, какъ таковой, можетъ быть неудобень ему, а отъ своихъ взглядовъ, говорилъ онъ, не можетъ отказаться и т. д. «Не беспокойтесь», отвѣтилъ ему ротный командиръ—«это меня не пугаетъ; я вамъ предоставляю оставаться одному съ людьми, не приставлю даже никого для контроля за вами и вашимъ на нихъ вліяніемъ, но ужъ не будьте въ претензіи, если при «неосторожности» съ вашей стороны, придете жаловаться ко мнѣ, а то и въ госпиталь попадете!» Такихъ начальниковъ много, да и масса людей раздѣляетъ со мною взглядъ на это дѣло. Привожу отрывокъ замѣтки г. Н. Рысина, изъ «Русск. Инв.», 1909 г. № 280:

Върѣте, вчерашній социаль-демократъ, видя полную и искреннюю безпартійность военной службы, выражающуюся въ «справедливомъ, ровномъ и настойчивомъ» отношеніи ко вѣсѣмъ какъ со стороны самого устава, такъ и начальства, легко превратится въ чловѣка, понимающаго разумное значеніе словъ: «родина», «государство». Я утверждаю это не голословно: на моихъ глазахъ новобранцы, прибывавшіе съ аттестаціей «неблагонадежныхъ», уходили въ запасъ унтеръ-офицерами, даже старшинами». Вотъ, что говорить г. Рысинъ, и я готовъ подписаться обѣими руками подъ этими строками.

Начитался я въ нашихъ военныхъ журналахъ рассказовъ про шарманщиковъ, точильщиковъ, разносчиковъ и пирожниковъ, которые будто приносили брошюры въ казармы и вообще вели въ войскахъ пропаганду. Долженъ замѣтить, что эти талантливо написанные рассказы «не продуктъ строевого пера», а полустатская беллетристика, которая меня никогда не удовлетворяла, ибо она приносить больше вреда, чѣмъ пользы, какъ бы санкціонируя подобные

случаи или объясняя неизбежность столь печальных явлений, крайне рѣдких и которыхъ, полагаю, обобщать не слѣдуетъ. Гдѣ же, спрашивается, былъ ротный, гдѣ были офицеры, фельдфебель, взводные? Какъ же послѣдніе были выбраны и воспитаны? Все это мнѣ непонятно! Можетъ быть, пока точильщикъ *«точилъ ножи»*, а пирожникъ *«предлагалъ свои пироги»*, офицеры сидѣли дома и, готовясь къ смотру, заучивали по списку наизусть: губернію, вѣроисповѣданіе, мастерство и семейное положеніе каждого чело-вѣка, и то же самое дѣлали въ своихъ комнатахъ фельдфебель и взводные?

Въ Западной Европѣ дѣло труднѣе. Тамъ условія хуже: ротный или эскадронный командиръ рискуетъ получить, при разбивкѣ призванныхъ на службу, десятокъ, два или три городскихъ жителей, частью убѣжденныхъ и систематически вышколенныхъ социаль-демократовъ, работавшихъ на заводахъ, членовъ социалистическихъ обществъ, учениковъ и поклонниковъ Бебеля или Жореса. Неудивительно, если каждый изъ нихъ заразитъ, въ свою очередь, нѣсколько чело-вѣкъ изъ фабричныхъ, тоже городскихъ, у которыхъ почва для воспріятія этой заразы была опять-таки давно уже систематически подготавливаема. Это уже безчуждѣ сильная порція, могущая подорвать и самые крѣпкіе устои. Если дѣло тамъ все-таки держится крѣпко, то, главнымъ образомъ, благодаря опытному, надежному, матеріально хорошо обеспеченному кадру сверхсрочныхъ, который и намъ надо завести, какъ можно скорѣе, *ибо здравый смыслъ подскажетъ всякому чело-вѣку, что при 3-хъ-лѣтнемъ срокѣ срочно-служащій не можетъ быть унтеръ-офицеромъ.*

Нашъ контингентъ поступающихъ въ войска, повторяю еще разъ, прямо таки неподобный. Нашъ солдатъ не подвергаетъ, за рѣдкими исключеніями, словъ офицера критической оцѣнкѣ: для большинства изъ нихъ офицеръ попрежнему «баринъ». Полтавскія празднества 1909 г., похороны отца Іоанна Кронштадтскаго и многое другое, да, наконецъ, одно существованіе союза русскаго народа — свидѣтельствуютъ о томъ, что народныя массы, несмотря на всѣ усилія привить имъ въ недавнее смутное время революціонный ядъ, остались, за рѣдкими исключеніями, здоровыми, набожными, преданными Царю и отечеству. Но обработка нашего сырого, мягкаго, какъ воскъ, людскаго матеріала далеко не всегда умѣла и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неимѣнія надлежащаго кадра учителей изъ нижнихъ чиновъ. Намъ нуженъ унтеръ-офицеръ, обладающій терпѣніемъ, строевой, а главное житейски опытный, сформир-

рванный въ полномъ значеніи этого слова человекъ, вполне, такъ сказать, уравновѣшенный, своего рода педагогъ и воспитатель, который дорожитъ своей службой, видя въ ней обезпеченность свою и своей семьи, и который можетъ чѣмъ нибудь «импонировать» своимъ питомцамъ, а не пригнанный недавно вмѣстѣ со своей партией молокососъ, нахватавшійся весьма поверхностно нѣкоторыхъ знаній въ учебной командѣ парень, чуть-чуть грамотнѣе, ловчѣе, хитрѣе и услужливѣе остальныхъ. Въ декабрѣ или январѣ онъ въ пѣхотѣ прибываетъ въ полкъ, въ мартѣ его опредѣляютъ въ учебную команду, а къ осени, т. е. черезъ неполный годъ, онъ, не побывавъ, такъ сказать, рядовымъ, а лишь школьникомъ, становится уже учителемъ, наставникомъ и начальникомъ не только своихъ сверстниковъ, но и недавнихъ дядекъ. Это безпрестанное «шассекроазе» не можетъ способствовать ни поднятію авторитета начальника изъ нижнихъ чиновъ, ни укрѣпленію дисциплины вообще.

«*Наши унтеръ-офицеры до того прочно смѣшаны со своими подчиненными*», пишетъ въ «Русск. Инв.» 1910 г., № 4, г. П. А. М., «*что не видно ни границы, ни предѣла тому, гдѣ кончается рядовой и гдѣ начинается унтеръ-офицеръ*». Какъ это вѣрно сказано! Главное вниманіе слѣдовало бы обращать на характеръ и нравственность будущаго наставника солдата. Тогда никакіе призраки пропаганды не страшны. Но мы теперь не можемъ выбирать кандидата на унтеръ-офицерское званіе по характеру, мы не можемъ изучать его, а принуждены намѣчать этого человека сразу, гоняться за грамотностью, придавать первенствующее значеніе экзаменамъ въ учебной командѣ и балламъ, не можемъ, къ сожалѣнію, какъ надлежало бы, систематически просѣивать, фильтровать этотъ матеріалъ. Лучшіе баллы получаютъ, само собою разумѣется, не хлѣбопашцы, которые являются, какъ всѣмъ извѣстно, самымъ надежнымъ элементомъ, а купчики, приказчики, конторщики, помощники волостныхъ писарей, разные фабричные или другіе горожане, вообще недоучившіеся полуинтеллигенты; ихъ-то и производимъ поневолѣ въ унтеръ-офицеры, а потомъ горько разочаровываемся въ этомъ. Они не въ состояніи были воспрепятствовать проникновенію въ нѣкоторыя части пропаганды, да и сами неспособны были не поддаться ей иногда. О нихъ можно, думаю, выразиться словами Шекспира, вложенными въ уста Яго въ первомъ дѣйствіи трагедіи «Отелло».

«Безъ свѣдѣній практическихъ,
«Цифирники и счетчики простые!»

Особенно важно относиться строго къ выбору взводныхъ унтеръ-офицеровъ: испытывать ихъ сначала на этой должности, мѣнять или смѣщать, безъ всякаго стѣсненія, пока не получится болѣе или менѣе подходящій человѣкъ. А если прошедшихъ учебную команду не хватитъ, то производить въ унтеръ-офицеры слѣдовало бы рядовыхъ, зарекомендовавшихъ себя своими качествами, производя имъ легкій экзаменъ и доканчивая уже потомъ ихъ образование.

Очень часто наши унтеръ-офицеры любятъ отговариваться словами: «я приказалъ, я распорядился, но онъ не исполнилъ», сваливая такимъ образомъ вину на подчиненнаго. Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ этого допускать. Каждый нижній чинъ долженъ отвѣчать самъ за себя по всей строгости закона ⁵⁾ и нельзя, очевидно, за всякое дѣло взыскивать со старшаго; но привычка отговариваться пустила у насъ очень глубокіе корни. Если унтеръ-офицеръ или забылъ, или не догадался приказать, распорядиться, то это, хотя и проступокъ, но сравнительно небольшой, въ особенности, если это бываетъ съ нимъ не часто или случилось, быть можетъ, впервые. Если онъ дѣйствительно приказалъ, но не умѣлъ присмотрѣть за исполненіемъ отданнаго имъ приказанія, т. е. не напомнилъ и не провѣрилъ, то это куда хуже и гораздо преступнѣе. Неумѣніе же воспитать своихъ людей такъ, чтобы они исполняли его приказанія безпрекословно, во сто разъ хуже первыхъ двухъ провинностей и доказываетъ ясно, что онъ въ унтеръ-офицеры, а тѣмъ болѣе во взводные, не годится, и надо спороть ему галуны. А коли онъ, какъ часто бываетъ, просто сочиняетъ, не отдавалъ вовсе приказанія или не выразилъ его энергично и категорически, а, попавшись, думаетъ выкрутиться тѣмъ, что сваливаетъ вину на беззащитнаго подчиненнаго (которому, полагаетъ онъ, не повѣрять, или который побоится противорѣчить), то надо спокойно, но безапелляціонно растолковать ему, что онъ негодай, котораго слѣдуетъ, кромѣ разжалованія, предать суду. Итакъ, пусть выбираетъ самъ наиболѣе подходящее опредѣленіе для своей вины и, будьте увѣрены, что сознается, что либо забылъ, либо распорядился недостаточно умѣло, либо приказалъ не съ должнымъ удареніемъ, не напомнилъ или не провѣрилъ и привыкнетъ быть впредь болѣе внимательнымъ, а къ отговоркамъ, разъ онѣ должны вести къ указаннымъ послѣдствіямъ, прибѣгать больше не станетъ. Этимъ выиграемъ уже много. Если же поддастся хотя бы раза 2—3 этимъ

⁵⁾ Законъ нашъ слишкомъ мягокъ—объ этомъ говорятъ и пишутъ давно, а въ дисциплинарныхъ баталіонахъ людямъ живется слишкомъ хорошо.

отговоркамъ, то все, что ни случится, будетъ всегда виною подчиненныхъ; онъ же будетъ чистъ, какъ стеклышко, и невиненъ, какъ дитя. Гдѣ бы ни случились пропaja, скандалъ, драка или иное несчастіе, онъ былъ либо въ другой комнатѣ, либо на конюшнѣ, либо уходилъ со двора. И дозоры, и ночные обходы, будутъ отговариваться всегда тѣмъ, что они во время происшествія были на противоположномъ концѣ участка. «Нѣтъ братъ!» скажите ему: «ты будь тамъ, гдѣ случается несчастіе, а то не ходи со двора, пошли замѣстителя на конюшню, или знай по крайней мѣрѣ: что случилось, какъ случилось, что вообще можетъ случиться и предупреди зло! Знай своихъ людей и на что каждый изъ нихъ способенъ, приучи ихъ говорить тебѣ правду». Вотъ что я говорилъ не разъ въ трехъ полкахъ и дѣло понемногу налаживалось. Я цѣнилъ именно тѣхъ взводныхъ, люди которыхъ вели себя въ отсутствіи ихъ тихо и смиренно. «Если уже нужно, чтобы пошалили, то пусть это имѣетъ мѣсто, когда начальникъ тутъ же на лицо», говорилъ я когда-то своему эскадрону.

У взводнаго зрѣніе должно быть вродѣ рентгеновскихъ лучей; онъ долженъ видѣть сквозь стѣнку, лучъ его зрѣнія долженъ быть въ состояніи обогнуть и уголь казармы. Взводный долженъ обладать и нюхомъ, не хуже «полицейской собаки», быть въ состояніи сказать: «Здѣсь въ этомъ мѣстѣ вчера или третьяго дня пили водку! Живо узнавайтесь: кто пилъ? кто приносилъ?» Такъ по крайней мѣрѣ, или въ этомъ приблизительно духѣ, слѣдуетъ воспитывать унтеръ-офицера вообще, а взводнаго въ особенности. Такіе «экземпляры» есть, найти ихъ можно, но не ищите ихъ, конечно, между вышеописанными «цифирниками». Съ такъ воспитанными унтеръ-офицерами мы, при нашемъ неподобномъ людскомъ составѣ, весь міръ можемъ покорить!

Присмотръ за унтеръ-офицерами долженъ быть самый тщательный и имъ уже никоимъ образомъ нельзя прощать промаховъ и проступковъ, за которые простой рядовой можетъ отвѣтить не столь строго. Съ унтеръ-офицерами надо вести и частыя бесѣды (въ эскадронѣ, въ баталіонѣ или дивизіонѣ, собирать также иногда всѣхъ унтеръ-офицеровъ полка). Предметомъ такихъ краткихъ бесѣдъ могутъ быть, въ числѣ прочаго, проступки, инциденты, несчастные случаи, скандалы, преступленія, имѣвшіе мѣсто въ своемъ эскадронѣ, полку, въ дивизіи, корпусѣ или округѣ. Надо учить и воспитывать на этихъ «отрицательныхъ явленіяхъ», не упуская, конечно, изъ виду и случаевъ «доблестнаго поведенія», находчивости и т. д. и ставя ихъ въ примѣръ. Полезно даже раздувать до

нѣкоторой степени такіе положительныя и отрицательныя случаи, дабы бесѣда выходила болѣе поучительной и способствовала лучшему воспитанію. Въ концѣ бесѣды на тему отрицательнаго примѣра надо подчеркнуть еще и то, что было бы великимъ несчастіемъ, если бы что-нибудь подобное случилось «у насъ же» или въ скоромъ времени повторилось (разъ случай произошелъ у себя). Если такое несчастіе произошло одинъ разъ (первый разъ), то это, можетъ быть, и не бросаетъ еще тѣни на всю часть—несчастія не избѣжать, но коли, не дай Богъ, вторая или третья лошадь убѣжить и пропадетъ, или второй, третій человѣкъ ранитъ товарища въ дракѣ или покончитъ съ собою самоубійствомъ и т. п., тогда доброе имя полка пострадаетъ непременно. Всѣ скажутъ: «у нихъ кони все убѣгаютъ—не кормятъ ихъ что-ли? Они рѣжутъ другъ друга! Тамъ все стрѣляются, да вѣшаются!»—«Бойся, поэтому, не перваго или единичнаго случая, говорилъ я своимъ унтеръ-офицерамъ (семья не безъ урода), но бойся второго и третьяго случая, которые, разъ не повезетъ, тоже возможны, а потому старайся предотвратить первый случай; тогда ты застрахованъ отъ второго и третьяго, которые могутъ опозорить твою часть!»

Я вовсе не воображаю, что открылъ эту замѣтку Америку. Обо всемъ этомъ писали уже; все, о чемъ я говорю, примѣнялось и примѣняется нашими лучшими строевиками, но строевому дѣлу, строевой опытности, строевымъ заслугамъ, не придается, къ сожалѣнію, подобающаго значенія. Знаніе предпочитается умѣнію и теоретики преобладаютъ въ строю. Описываемое здѣсь старо, извѣстно, но поголовнаго требованія въ этомъ отношеніи нѣтъ, смотровъ въ этомъ духѣ не бываетъ; немногіе обладаютъ настойчивостью характера для того, чтобы провести на практикѣ и систематизировать то, что теоретически признаетъ полезнымъ всякій военный человѣкъ. Для того, чтобы прогрессъ въ военномъ дѣлѣ былъ обезпеченъ, необходимо поднять нравственно и матеріально строевой элементъ, увеличивая этимъ привязанность къ строю, котораго многіе прямо чуждаются, считая строевое дѣло черной работой.

«*Заправителями нашей арміи*», говоритъ въ Русск. Инв. 1909 г. № 252 г. О. Торклусъ, «*ръшителями ея судебъ, служатъ нестроевые, а строевые только исполняютъ то, что имъ приказываютъ нестроевые*». Если высказываемое авторомъ мнѣніе вѣрно, то врядъ-ли это хорошо и цѣлесообразно.

Теоретики думаютъ, напримѣръ, что солдатъ, дослуживающій послѣдній годъ, говорить молокососу унтеръ-офицеру всегда «вы»;

они увѣрены, что рядовой рядовому отдаетъ всегда и вездѣ честь; полагаютъ также, что всѣ руководящія приказы исполняются и исполнимы. На самомъ же дѣлѣ унтеръ-офицеръ «подтягиваетъ» нерѣдко черезъ мѣру и безъ всякой надобности молодого солдата, а рядового, старшаго, чѣмъ онъ самъ призываетъ, въ особенности, если послѣдній, какъ говорится, «дурного нрава», сплошь и рядомъ прямо боится; послѣднему все разрѣшается, все проходитъ безнаказанно; ему онъ нерѣдко говоритъ даже «вы», а тотъ ему иногда попрежнему «ты»; рядовые плохо соблюдаютъ правила взаимнаго отданія чести, не берутъ подъ козырекъ, иногда и унтеръ-офицерамъ; послѣдніе же рѣдко когда останавливаютъ ихъ за это; приказы наши далеко не всегда исполнимы, да и пишутся часто «для начальства».

Въ заключеніе скажу еще разъ, что краткій срокъ службы обусловливаетъ необходимость страшной энергіи и огромнаго труда. Помочь дѣлу, кромѣ сверхсрочныхъ, могла бы въ значительной степени и «военная подготовка въ гражданскихъ школахъ», но при условіи, что она не обратится въ «простую «игру въ солдатки», ибо тогда ученики привыкаютъ видѣть въ строевыхъ эволюціяхъ забаву, а не серьезное дѣло; и отучить ихъ отъ этого, какъ увѣряютъ германцы, не легко и потомъ, т. е. на службѣ. Проходить курсъ стрѣльбы въ гражданскихъ школахъ было бы, конечно, весьма желательно, но оно представляетъ много неудобствъ и сопряжено съ большими расходами, а безъ этого можно обойтись, и лучше увеличить отпускъ патроновъ въ войскахъ. Въ общемъ же въ школахъ надо только «готовить» молодое поколѣніе, развивать физически и умственно, развивать всѣми силами патріотизмъ подрастающаго поколѣнія, примѣнять различныя «полевая игры», какъ дѣлаютъ это вездѣ загранипею; обученіе же строю ограничить простыми эволюціями, не вдаваясь въ крайности вродѣ маневровъ, и тогда обученіе и воспитаніе солдата краткихъ сроковъ службы и выработка изъ него вполне современнаго бойца не представитъ особаго затрудненія, если только увеличить число сверхсрочныхъ и придерживаться новаго положенія объ обученіи.

Н. Вольфъ.